

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству.

ГЛАВА I.

Первые служебные шаги.

Въ 1914 году Россія и судебное вѣдомство праздновали 50-лѣтїе дѣйствія судебныхъ уставовъ и въ послѣднемъ засѣданіи Государственной Думы передъ Рождественскими каникулами Министерство Юстиціи испрашивало и получило особый кредитъ на изданіе исторіи судебныхъ уставовъ къ предстоявшему юбилейному году. Какого рода и въ какомъ духѣ будетъ написана эта исторія, мы читаемъ ее въ свое время, а пока старымъ работникамъ на почвѣ естественнаго правосудія нелишне внести и свои штрихи въ 50-лѣтнюю исторію дѣйствія судебныхъ уставовъ о служебной дѣятельности лицъ судебного вѣдомства. Руководимый сейчасъ названною мыслью, я и воспроизвожу здѣсь нѣкоторые факты, сохранившіеся въ памяти, и характеристики изъ своей свыше 37-лѣтней службы по судебному вѣдомству, и въ этомъ числѣ 34-лѣтняго пребыванія въ судейской должности. Въ воспоминаніяхъ о своей службѣ я буду касаться, главнымъ образомъ, бытовой стороны прохожденія службы или условій работы лицъ судебного вѣдомства, обстановки, при которой эта работа протекала на протяженіи извѣстнаго мнѣ періода службы, а также вспомню и выдающихся работниковъ. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, я продолжу свои воспоминанія вслѣдъ за

воспоминаніями о Кіевскомъ университетѣ и студенческой жизни ¹⁾. Грустное разставанье съ университетомъ и товарищами послѣ сдачи экзаменовъ и полученія диплома усугублялось еще мыслью о томъ, куда направить свои молодя „дипломированныя“ силы, чтобы устроить свою жизнь по своему взгляду и найти практическую работу, соотвѣтственно своимъ довольно идеалистическимъ желаніямъ. Проведя дома, въ деревнѣ у родныхъ, послѣднія школьныя каникулы, я въ концѣ сентября 1875 года уѣхалъ въ Кіевъ, съ цѣлью опредѣлиться на службу и при томъ по судебному вѣдомству. Въ Кіевѣ же въ это время наряду съ дѣйствіемъ (съ 1870 г.) мирового устава по закону 20 ноября 1864 г. еще дѣйствовала и довольно энергично старая судебная палата уголовнаго и гражданскаго суда.

Неужели опредѣляться на службу въ эту палату?

Но случайно встрѣчая своего однокашника, и, разговорившись съ нимъ, рѣшилъ опредѣлиться кандидатомъ на судебныя должности при Кіевской судебной палатѣ и подалъ Предсѣдателю ея прошеніе съ документами объ опредѣленіи меня на службу. Предсѣдателемъ же Кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда въ это время былъ С. С. Гончаровъ, недавно переведенный въ Кіевъ изъ Житомира. Представляясь С. С. Гончарову, я былъ имъ очень любезно принятъ; онъ объяснилъ, что очень радъ принимать на службу университетскую молодежь, которая должна „внести свѣжую струю въ довольно затхлую атмосферу палаты и что эту молодежь онъ будетъ всячески поддерживать и поощрять“. Подобнаго рода пріятными перспективами (окончившимися пуфомъ) С. С. Гончарову удалось завербовать въ палату до десятка кандидатовъ, которымъ и дана была работа то въ канцеляріи палаты, то при камерахъ судебныхъ слѣдователей. С. С. Гончаровъ, какъ предсѣдатель судебного, хотя „старога фасона“ учрежденія, вступивъ въ управленіе Кіевской судебной палатой, сейчасъ все передѣлалъ на свой ладъ: онъ прежде всего повыгналъ всѣхъ старыхъ, закоснѣлыхъ взяточниковъ отолочальниковъ и начальника крѣпостнаго стола г. Яс—скаго, убралъ дураковъ, которыхъ порасплодилъ Калмыковъ (бывшій предсѣдатель палаты); ввелъ гласный, публичный докладъ дѣлъ въ палатѣ членами ея, самолично принималъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, VI и VII кн. 1912 года.

просителей и тутъ же давалъ имъ справочныя свѣдѣнія, словомъ, завелъ тѣ порядки, которые введены были въ судахъ, дѣйствовавшихъ по уставамъ 1864 г. Такая энергичная дѣятельность новаго предсѣдателя Кіевской соединенной палаты уголовного и гражданскаго суда сразу выдвинула С. С. Гончарова изъ ряда начальниковъ отдѣльных частей губернскихъ учрежденій Кіева; онъ сразу пріобрѣлъ огромную популярность среди мѣстнаго общества, его очень приблизилъ къ себѣ бывшій кіевскій генераль-губернаторъ, добрѣйшій кн. А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, и значеніе палатнаго суда и подвѣдомственныхъ ей судебныхъ мѣстъ сразу повысилось, и эти учрежденія стали пользоваться довѣріемъ населенія и уваженіемъ. До Гончарова въ кіевскихъ судебныхъ учрежденіяхъ царили такіе же порядки и права, какъ и въ Гоголевскія времена, т.-е. безконечная волокита, взяточничество и канцелярская тайна. Уже при Гончаровѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены. Въ залѣ судебныхъ засѣданій стоитъ въ вицмундирѣ бритый, строгій на видъ С. С. Гончаровъ; залъ наполненъ разнообразной публикой, изъ которой отдѣльныя лица, по очереди, подходятъ къ судейскому столу, подають прошенія г. Гончарову и ведутъ съ нимъ разговоры; онъ терпѣливо выслушиваетъ просителей, объясняетъ имъ дѣла и даетъ нужныя справки. Вдругъ въ залъ врывается какая-то ажитированная дама, съ нею рядомъ идетъ господинъ съ бумагами и направляются къ столу предсѣдателя палаты. Дама жалуется С. С. Гончарову, что надсмотрщикъ крѣпостнаго стола (это былъ онъ) тормозитъ ей утвержденіе купчей крѣпости; даетъ объясненія надсмотрщикъ. Но едва онъ окончилъ свои объясненія, какъ по его головѣ пошелъ гулять увѣсистый зонтикъ просительницы съ комментаріями: „вотъ тебѣ взятки, тебѣ я мало платила, еще хочешь взять и т. д.“. Едва-едва удалось усмирить разбушевавшуюся даму и увести изъ присутственнаго мѣста. Эта сцена произвела на публику большое впечатлѣніе, а на меня удручающее, и я опять задался вопросомъ: неужели можно служить въ такой обстановкѣ и съ такими людьми, которыхъ за взятки публика колотитъ зонтикомъ по головѣ? Ходилъ я на занятія въ палату не долго и тамъ держался своего кружка университетскихъ товарищей и не сближался съ другими служащими, косо на насъ посматривавшими. Разочарованный обстановкой службы въ Кіевской палатѣ, я написалъ своимъ знакомымъ въ Херсонскую

губернію, которые были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ тамошняго окружнаго суда В. А. Тарасовымъ, прося ихъ узнать, нельзя ли получить штатную должность въ томъ судѣ? Отвѣта пришлось ждать не долго, и мнѣ телеграммой дали знать, что я уже зачисленъ на должность помощника секретаря суда, и чтобы поспѣшилъ присылкой прошенія съ документами. Какъ мнѣ ни грустно было расставаться съ Кіевомъ, гдѣ прошли мои лучшіе школьные годы, гдѣ оставалось много университетскихъ товарищей и друзей, не говоря о родныхъ, но желаніе попасть на службу во вновь реформированное судебное установленіе, въ новую свѣжую обстановку воспреобладало надъ другими тяготѣніями, и прошеніе было отправлено предсѣдателю Херсонскаго суда, а черезъ недѣли двѣ и я уѣхалъ въ Херсонъ.

ГЛАВА II.

Херсонскій окружный судъ.

Пріѣхавши въ Херсонъ и поселившись на квартирѣ при студенческой обстановкѣ вблизи зданія суда, я 4 ноября 1875 годѣ явился въ судъ и представился предсѣдателю суда. Къ сожалѣнію, первое впечатлѣніе отъ свиданія съ предсѣдателемъ суда было не особенно пріятное: своей фигурой, внѣшнимъ обликомъ и разговоромъ онъ меня даже смутилъ: выше средняго роста, плѣшивый, съ котлетками на щекахъ à la чиновники на картинахъ извѣстнаго художника Федотова, съ выпуклыми глазами и со скрипучимъ голосомъ, удушливымъ каплемъ и со снисходительно-привѣтливой улыбкой, онъ скорѣе напоминалъ мнѣ типы столоначальниковъ Кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, чѣмъ предсѣдателя новаго судебного учрежденія, но первое неблагопріятное впечатлѣніе, оставленное предсѣдателемъ суда, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, было совершенно затушевано, а свой внѣшній обликъ (котлетки) В. А. Тарасовъ поддерживалъ по привычкѣ, усвоенной имъ на прежней службѣ къ качествѣ Управляющаго канцеляріей сибирскаго генераль-губернатора, откуда онъ получилъ назначеніе въ Херсонъ. Вскорѣ мои хорошіе знакомые—мѣстные помѣщики,—пріѣхавъ въ Херсонъ, пригласили меня съ собою на вечеръ къ В. А. Тарасову, и

вотъ здѣсь, дома, нашъ предсѣдатель оказался совершенно инымъ человѣкомъ: привѣтливымъ, любезнымъ, безъ всякаго оттѣнка „начальственности“. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось бывать въ квартирѣ своего предсѣдателя, а это обстоятельство создало мнѣ и нѣкоторый престижъ въ положеніи служебномъ въ томъ смыслѣ, что я не сталъ чувствовать начальственнаго гнета и никогда его не понималъ. Прохожденіе службы помощникомъ секретаря гражданскаго отдѣленія такое: онъ завѣдываетъ направлениемъ поступающихъ въ столъ бумагъ, ведетъ настольный реестръ, дѣлая въ немъ отмѣтки о движеніи дѣлъ, выдаетъ справки просителямъ, подготавливаетъ дѣла для доклада членовъ суда, слѣдитъ за исполненіемъ резолюцій суда и участвуетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Канцелярская работа, конечно, скучная вещь; но если къ ней относиться аккуратно и внимательно, то найдется и работа, и интересъ къ ней. Интереснѣе гораздо участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ, гдѣ требуется извѣстное напряженіе мысли, памяти и большое вниманіе для того, чтобы уловить сущность преній тяжущихся и внести въ протоколъ то, что существенно для дѣла, съ полной точностью выраженной. Въ мое время не брали записокъ отъ адвокатовъ для составленія протоколовъ засѣданія, какъ теперь практикуется молодежью. Недостатокъ канцелярскаго прохожденія службы для молодого юриста заключается въ томъ, что эта работа скоро надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ и безсодержательностью, и лишь добровольное знакомство съ дѣломъ по существу и составленіе рѣшеній, съ согласія и подъ руководствомъ членовъ суда, даетъ нѣкоторую осмысленность работѣ будущаго судебного дѣятеля. Составъ Херсонскаго суда въ мое время былъ прекрасный въ особенности, что касается гражданскаго отдѣленія: этимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ самъ предсѣдатель суда В. А. Тарасовъ, а членами были: И. Я. Дав—денко, П. Ѳ. Мор—скій и П. Л. Шест—ковъ. Изъ этого состава самымъ усерднымъ и работоспособнымъ былъ П. Ѳ. Мор—скій; работоспособность этого человѣка поразительна: всегда скромный, вдумчивый, занятой, онъ детально и съ большими справочными свѣдѣніями фактическаго и юридическаго свойства подготавливалъ дѣла къ докладу, а послѣ доклада обстоятельно и съ большой эрудиціей разрабатывалъ разрѣшенный судебный споръ, или казусъ. Кромѣ своей работоспособности и глубокихъ знаній гражданскаго права и процесса, это былъ очень добрый,

скромный и гостепріимный человекъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ и другъ молодежи. Идеалистъ 60-хъ годовъ, П. Ѳ. былъ либерально-мыслящимъ судьей и глубокимъ почитателемъ какъ судебныхъ уставовъ, такъ всѣхъ реформъ Царя-Мученика.

Домъ П. Ѳ. былъ пристанищемъ судебской молодежи, гдѣ мы весело и содержательно проводили время, трактуя текущія литературныя и юридическія новости, занимаясь пѣніемъ, чтеніемъ интересныхъ книгъ и дебатами по поводу прочитаннаго. Вспоминая дни знакомства съ домомъ П. Ѳ. Мор—скаго, оживаешь душою и жалѣешь современную молодежь, лишенную по текущему моменту возможности сблизаться со старшими членами нашей магистратуры и многому отъ нихъ поучиться. Въ отношеніяхъ старшихъ членовъ Херсонской судебной магистратуры къ младшимъ подчиненнымъ чинамъ — судебской молодежи, отсутствовало всякое чиновочитаніе, искательство, съ одной стороны, и снисходительное покровительство—съ другой, отсутствіе того, что составляетъ основную черту стараго, сухого бюрократизма и связанныхъ съ этимъ послѣдствій. Судебная корпорація Херсонскаго суда составляла тѣсно сплоченную, дружескую семью, равноправную въ обыденной, внѣ служебной жизни, взаимно доброжелательную и сердечную. И неудивительно, что такія отношенія существовали въ нашемъ судебскомъ кружкѣ, такъ какъ старшіе члены этого кружка—члены суда—были люди, обвѣянные идеями 60-хъ годовъ, гуманные, просвѣщенные и сердечные. Такія же сердечныя и дружескія отношенія старшихъ членовъ суда къ младшимъ наблюдались и въ мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ. Прокуроромъ же суда у насъ былъ выдающійся человекъ по своимъ знаніямъ, характеру и такту А. В. Волковъ, впоследствии первый прокуроръ Виленской судебной палаты и сенаторъ. Служебное воспитаніе А. В. Волковымъ состоящихъ при его камерѣ кандидатовъ на судебныя должности представлялось въ такомъ видѣ: каждую субботу онъ приглашалъ судебскую молодежь къ себѣ на домъ, бесѣдовалъ съ ними о разныхъ казусахъ уголовного процесса, объяснялъ ходъ судебного слѣдствія по разной категоріи уголовныхъ правонарушеній, примѣрами изъ подлинныхъ производствъ подкрѣплялъ свои сужденія, а затѣмъ, вручая по нѣскольку слѣдственныхъ производствъ каждому изъ кандидатовъ, велѣлъ по этимъ дѣламъ писать обвинительные акты.

И надо было видѣть то оживленіе и ту охоту, съ какими прокурорская молодежь занималась этими дѣлами, съ какою тщательностью изучались дѣла и съ какимъ нетерпѣніемъ ими ожидалась очередная суббота, чтобы представить А. В. свои отчеты хода работы, о сомнѣніяхъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ работахъ и т. п.! За окончаніемъ дѣловыхъ разговоровъ у прокурора съ кандидатами, тов. прокурора, завязывались разговоры частнаго характера, споры о текущихъ явленіяхъ литературной и общественной жизни и т. п.,—и все это въ самомъ непринужденномъ тонѣ и на почвѣ крайне сердечныхъ взаимныхъ симпатій. Такое направленіе служебнаго воспитанія прокурорской молодежи на практикѣ дало самые благопріятные результаты, и изъ кандидатовъ А. В. Волкова вышло не мало блестящихъ судебныхъ слѣдователей и тов. прокуроровъ суда. Сопоставляя отношенія А. В. Волкова къ прокурорской молодежи съ теперешними отношеніями прокуроровъ къ кандидатамъ на судебныя должности, поражаешься огромной разницей этихъ отношеній, такъ какъ нынче прокуроръ въ глазахъ кандидатуры представляется недосыгаемымъ олимпійцемъ, едва протягивающимъ кандидату нѣсколько пальцевъ своей руки, едва достаивающимъ каждого изъ нихъ „милостивымъ разговоромъ“; теперь эти кандидаты не младшіе друзья прокурора, а его „паріи“, безличные и безвольные „людишки“. Не въ этой ли обстановкѣ взаимоотношеній прокурорскаго надзора къ своимъ подчиненнымъ кроется причина и неудовлетворительности нашихъ слѣдственныхъ производствъ и слабости обвинительныхъ рѣчей и обвинительныхъ актовъ? При изложенныхъ сейчасъ условіяхъ протекала моя канцелярская служба въ Херсонскомъ окружномъ судѣ въ теченіе трехъ съ малымъ лѣтъ до 1878 года, когда по измѣнившимся условіямъ личной жизни (женитьба) и по желанію знакомыхъ земцевъ, — мнѣ предложено было перейти на выборную службу въ мировой институтъ, на что я и согласился, а въ февралѣ 1879 года былъ избранъ Херсонскимъ Уѣзднымъ земскимъ собраніемъ кандидатомъ на должность мирового судьи. Въ іюнь того же года я уже отправлялъ правосудіе въ самостоятельномъ 6-мъ мировомъ участкѣ въ г. Николаевѣ. Оставленіе коронной службы и переходъ на земскую—выборную направило мою жизнь на новый путь судебно-общественной дѣятельности, которой я и предался со всѣмъ пыломъ молодости и съ величайшей лю-

бовью къ дѣлу мировой юстиціи. Но объ этомъ рѣчь впереди; здѣсь же я долженъ замѣтить, что съ величайшимъ сожалѣніемъ мнѣ пришлось расставаться со службой и въ окружномъ судѣ, гдѣ такъ радушно я былъ принятъ, обласканъ и гдѣ оставилъ много дружескихъ связей съ младшими и старшими членами судебной магистратуры. И теперь, когда большинства изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, когда направленіе служебныхъ отношеній въ томъ судѣ, какъ и въ большинствѣ ихъ, получило совершенно новую окраску—на почвѣ бюрократическаго педантизма, идеалистическія условія моей службы въ Херсонскомъ судѣ вспоминаются съ особенной теплотой и отрадой.

ГЛАВА III.

Служба по выборной мировой юстиціи.

Прежде чѣмъ описывать прохожденіе своей выборной службы по мировой юстиціи, не бесполезно здѣсь сказать кое-что о самыхъ условіяхъ выборовъ на земскія должности и объ отношеніяхъ земскихъ гласныхъ къ своимъ избранникамъ и населенія къ выборному мировому институту въ мое время. Мировой институтъ въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 80-хъ годахъ въ особенности переживалъ очень тревожную пору: все чаще и чаще начинали раздаваться голоса о неудовлетворительности выборнаго мирового института, не только въ печати извѣстнаго лагеря („Московскія Вѣдомости“—Каткова и др.), но и среди мѣстнаго населенія, и среди самихъ земцевъ. Вспоминая начало своей выборной службы по мировой юстиціи, сравнивая положеніе судебного дѣла на мѣстѣ въ началѣ 80-хъ годовъ и сопоставляя съ этимъ положеніемъ рассказы земскихъ гласныхъ „перваго призыва“ о положеніи мирового правосудія 10 лѣтъ раньше, нельзя было не сдѣлать вывода, что уже и въ 1880-хъ г. замѣчалась разница въ положеніи мѣстнаго судебного дѣла за эти періоды времени,—разница въ отношеніи къ „мировому суду“ мѣстнаго населенія, и самихъ судей къ своему дѣлу. Старые выборные судьи и старые земскіе гласные рассказывали мнѣ, что въ первые три трехлѣтія дѣйствія мирового судьи въ Херсонскомъ уѣздѣ очередныя засѣданія мирового съѣзда и камеры мировыхъ судей были переполнены публикой; судебной

процедурой населеніе чрезвычайно интересовалось и симпатизировало новому суду. Въ участковые и почетные мировые судьи земскимъ собраніемъ избирался „цвѣтъ“ мѣстной земской интеллигенціи; въ почетные судьи—всѣ, достойнѣйшіе почета и уваженія гласные уѣзда, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Величайшею честью почиталось для земскаго избранника носить званіе мирового судьи; участковые и почетные судьи работали очень усердно, „любовно“, съ вѣрой въ дѣло суда и правды. Судебная процедура мирового суда въ то время еще не была усложнена требованіями формальныхъ письменныхъ порядковъ (пошлинные марки, циркуляры, отчетности, кассационныя указанія и т. п.). Правда, что въ то же время съ подобнымъ же рвеніемъ наши земцы относились и къ своимъ земскимъ дѣламъ; на первомъ планѣ у каждаго земскаго дѣятеля стоялъ общественный интересъ, не было еще мѣста для личныхъ стремленій и видовъ въ земской службѣ; „не пахло земскимъ пирогомъ“. Избирательная политика и связанная съ нею интрига не получили еще дурного направленія, и никто еще изъ членовъ земскаго собранія не посягалъ на платныя земскія должности, какъ на „синекуру“. Въ концѣ же 1870-хъ годовъ и въ 1880-хъ годахъ, когда въ земскія собранія послѣдовалъ приливъ новыхъ силъ, воспитанныхъ въ духѣ узкаго меркантилизма (кушеческая партія), началось и другое, новое направленіе мѣстной земской дѣятельности съ особымъ характеромъ ея внутренней, закулисной политики: въ описываемое время стало замѣтнымъ сильное стремленіе среди многихъ земскихъ гласныхъ къ платнымъ земскимъ должностямъ то для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, то для установленія „въ своемъ околоткѣ“ извѣстнаго престижа въ своихъ чисто хозяйственныхъ видахъ, то въ интересахъ вліянія и преобладанія данной земской партіи. На должности мировыхъ земцы стали выдвигать людей, совершенно къ обязанностямъ судьи не подготовленныхъ ни теоретически, ни практически, а то и просто „никчемныхъ“. Интрига и борьба партій, мелочныхъ самолюбій разрослась изъ года въ годъ; въ эту партійную борьбу „встраивались“ и гласные отъ крестьянъ. Спрашивается, какой составъ выборныхъ мировыхъ судей могло дать избирательное собраніе на вышеприведенной подкладкѣ? Конечно,—не вполнѣ удовлетворительный. Съ конца 1870-хъ годовъ въ выборные мировые судьи попадали и люди, не принадлежавшіе въ

гѣсномъ смыслѣ слова къ мѣстному населенію, но такіе изъ нихъ, которые нужны были и годны для дѣла юстиціи, постепенно разроставшагося и усложнявшагося,—это съ одной стороны, а съ другой,—у мѣстнаго дворянства уже остыли порывы къ идейной службѣ мѣстному правосудію, а возобладали идеи „сельско-хозяйственной культуры“. Выборными мировыми судьями-юристами, какъ ихъ сослуживцы, такъ и земцы въ описываемое время очень дорожили, такъ какъ сами въ сущности уже охладѣли къ дѣлу „мѣстнаго суда“, но интересовались его формальнымъ значеніемъ, цѣнили въ общемъ его безпристрастіе; судьи же, кромѣ того, считались и съ извѣстной отвѣтственностью за явное нарушеніе формальной судебной процедуры. Чѣмъ дальше, тѣмъ индифферентнѣе стало относиться Херсонское уѣздное земство къ выборамъ лучшаго состава мѣстнаго института мировыхъ судей, въ особенности, когда лучшіе старые земцы отдалились отъ активной земской работы, недовольные новымъ ея направленіемъ. Невольно возникаетъ вопросъ: удовлетворялъ ли выборный мировой институтъ своему важному назначенію при упомянутомъ отношеніи къ выборамъ его личнаго состава земцевъ новѣйшей формациі? Не удовлетворялъ, конечно, и не могъ удовлетворить, такъ какъ борьбу земскихъ партій, борьбу личныхъ самолюбіи, интересовъ, сословности, стремленія къ „синекурѣ“, это съ одной стороны, и полный индифферентизмъ,—съ другой,—нельзя признать „доброй почвой“ для выборнаго начала представителей мѣстной юстиціи; нельзя признать эти условія „мѣриломъ“ безпристрастія и справедливости. Замѣчательнъ въ данномъ случаѣ еще одинъ, бросавшійся въ глаза фактъ,—это усиленное вліяніе „главарей“ (по-нынѣшнему: „лидеровъ“) земскихъ партій на мѣстный мировой институтъ не только въ смыслѣ этого вліянія на выборы личнаго состава мировыхъ судей, но и на проведеніе извѣстныхъ тенденцій при производствѣ дѣлъ данныхъ категорій (иски къ рабочимъ, самоуправство и т. п.).

Мѣстная юстиція, при отправленіи своихъ законныхъ функцій, должна была еще считаться то съ преобладающими взглядами мѣстнаго дворянства на извѣстнаго рода социально-экономическія явленія, то дѣйствовать въ духѣ вліятельныхъ избирателей, то ставить на видъ и разграничивать положеніе извѣстныхъ классовъ мѣстнаго населенія (помѣщикъ одно, крестьянинъ другое, или хозяинъ и рабочій). По уголовнымъ дѣламъ преобладали не вполне

безпристрастные и законѣрные взгляды на нѣкоторые виды правонарушеній (обида, потравы, порубки и пр.).

Судьямъ, строго, законно и законномѣрно относившимся къ своимъ обязанностямъ, усваивалось названіе „законника“, формалиста въ смыслѣ пренебрежительномъ, чуть-ли не въ родѣ „приказнаго „юса“. Масса же населенія, имѣвшая дѣло съ общими судами и съ мировыми судьями, напротивъ, отличала судей „законниковъ“, избѣгала судей „изъ нихъ“, вѣроятно, въ силу поговорки: „каковъ судья, таковъ и судъ“. Такъ какъ въ составѣ земскихъ избирателей мировыхъ судей находились и при томъ въ значительномъ числѣ и крестьяне и разночинцы, которые не могли не знать закулисныхъ сторонъ и настоящей подкладки земскихъ выборовъ, то выборная интрига, борьба партій втягивала и этихъ гласныхъ въ свои интересы, какъ я уже говорилъ раньше, и закулисная сторона выборовъ агитацій, поэтому, имѣла самую широкую огласку въ мѣстности даннаго земскаго района. Всѣ вышеприведенныя условія „выборнаго дѣла“, прохожденіе самыхъ выборовъ мировыхъ судей черезъ каждое трехлѣтіе не могли не подрывать довѣрія къ авторитету и безпристрастию мѣстнаго суда, уваженія къ мѣстному составу мирового института.

Что русскій народъ какъ въ массѣ своей, такъ и въ отдѣльныхъ классахъ его, не удовлетворялся даже въ 80-хъ годахъ судомъ „первой ступени“, извѣстно всѣмъ и каждому изъ провинціальныхъ мѣстныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе дѣятелей по судебному вѣдомству, и всякій, кто желалъ смотрѣть на дѣло и относиться къ нему не съ точки зрѣнія „лѣниваго ума и сонливой совѣсти“ (А. Ѳ. Кони), тотъ наблюдатель видѣлъ, что „ослабѣвшая мировая юстиція“ способствовала прогрессивному увеличенію „сутяжничества“, „кляузы“; истинное же правосудіе „хромало“. Замѣчалось также, что прибѣгавшія къ полиціи и защитѣ мирового суда лица изъ мѣстнаго населенія особенно настойчиво проводили свои претензіи по всѣмъ инстанціямъ; увеличивалось количество жалобъ на рѣшенія и приговоры мировыхъ судей; уменьшалось по мировымъ участкамъ количество оконченныхъ дѣлъ за примиреніемъ тяжущихся. Спрашивалось: гдѣ же дѣвался тотъ мѣстный „мировой“, авторитетный „умиротворитель“ повседневныхъ мелкихъ житейскихъ недоразумѣній, споровъ, къ которому такъ охотно по началу всѣ прибѣгали, которому безгранично вѣрили, кото-

раго судомъ удовлетворялись „безапелляціонно“? Терпѣливо и „долго бы пришлось разыскивать типъ мѣстнаго „умиротворителя“ въ выборномъ мировомъ институтѣ знакомаго мнѣ земства и въ годы моей тамъ службы, и по оставленіи послѣдней. Типъ судьи „умиротворителя“ отошелъ уже въ „туманную даль“ далекаго прошлаго, а налицо остались или судьи-законники, нужные для формальной стороны направленія дѣлъ, или судьи данныхъ земскихъ партій. Уклоненіе мѣстнаго суда отъ правды фактовъ и прикрытіе ея кажущейся „правдой формы“ (процессуальной) не могло не внести нѣкоторый разладъ и раздвоеніе въ правосознаніе народной массы, связанное съ ея первоначальнымъ представленіемъ о мировомъ судѣ. Это же раздвоеніе, умаляя значеніе мѣстнаго суда, какъ сильной мѣстной авторитетной власти, вылилось въ жизни въ проявленіяхъ „самосуда“, самоуправства, нечестнаго исполненія обязательствъ по имуществу, по договорнымъ отношеніямъ и т. п. Въ свою очередь, и въ классѣ помѣстныхъ землевладѣльцевъ нарастала глухая оппозиція мировому институту, и если ему прямо не приписывалось деморализующаго вліянія на нравы мѣстнаго населенія, то, по крайней мѣрѣ, оно подразумевалось. Такимъ путемъ выборный мировой институтъ „докатился“ до положенія 12 іюля 1889 года, хотя въ Херсонскомъ уѣздномъ земствѣ до послѣднихъ дней „своего бытія“ мировой институтъ еще сохранялъ свое обаяніе и имѣлъ еще горячихъ своихъ защитниковъ и въ средѣ помѣстнаго дворянства, что фактически подтвердилось тѣмъ, что изъ выборныхъ мировыхъ судей въ составъ земскихъ начальниковъ ушло изъ 14 человекъ—человекъ 3—не болѣе и то не на долго. Изъ сейчасъ приведенной мною характеристики положенія мирового института Херсонскаго уѣзда можно, пожалуй, подумать, что я являюсь горячимъ противникомъ выборнаго мирового суда и отмѣчаю лишь его недостатки. Ни чуть не бывало, и вотъ хотя уже прошло 23 года со времени оставленія мною выборной земской по мировому институту, время этой службы я считаю счастливейшими днями моей жизни и не потому, что „мировому суду“ мною отданы молодые лучшіе годы жизни, а потому, что дѣло было по душѣ, дѣло воспитательнаго характера и большого жизненнаго значенія при полной служебной независимости, но истина прежде всего, и потому нельзя было и мнѣ умолчать, съ объективной точки зрѣнія, о томъ положеніи мирового института

въ описываемое мною время, въ какомъ онъ пребывалъ въ дѣйствительности. Херсонскій мировой съѣздъ съ 1879—1889 г. состоялъ изъ 12—14 (разновременно) участковыхъ судей; участки расположены были частью въ городахъ: Херсонѣ, Николаевѣ и Бериславѣ, а часть въ уѣздѣ.

По количеству дѣлъ средняя цифра ихъ на мировой участокъ не превышала 1.500 въ годъ. Мировой съѣздъ находился въ Херсонѣ, и разъ въ мѣсяцъ въ теченіе 3-хъ дней въ немъ происходили судебныя засѣданія, при чемъ одновременно дѣйствовали два отдѣленія: въ одномъ залѣ разбирались уголовныя дѣла, а въ другомъ гражданскія. Въ послѣдніе годы моей службы, въ виду возрастанія дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ и для удобства публики и уѣздныхъ участковыхъ судей работало еще временное отдѣленіе мирового съѣзда въ г. Николаевѣ, находившееся въ завѣдываніи судьи-юриста. Личный персоналъ мировыхъ судей состоялъ главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, они же отставные моряки, офицеры и нигдѣ не служившіе дворяне со среднимъ образованіемъ; юристовъ среди ихъ было всего три человѣка, изъ которыхъ я завѣдывалъ мировымъ съѣздомъ (кромѣ своего участка), въ качествѣ непремѣннаго его члена и фактически исполнялъ обязанности предсѣдателя съѣзда, такъ какъ предсѣдатель изъ почетныхъ мировыхъ судей — онъ же уѣздный предводитель дворянства Н. Н. Журавскій настолько былъ занятъ своими дѣлами по крупному имѣнію и по другимъ учрежденіямъ, что рѣдко появлялся въ съѣздѣ и только для предсѣдательства въ засѣданіяхъ. Въ качествѣ непремѣннаго члена съѣзда мнѣ, конечно, пришлось хорошо ознакомиться съ работами участковыхъ мировыхъ судей, съ ихъ рѣшеніями и приговорами. Въ общемъ работы моихъ сослуживцевъ удовлетворяли требованію элементарнаго правосудія, хотя нѣкоторые изъ судей писали рѣшенія короче „воробьиного носа“; другіе неправильно квалифицировали преступленія и проч.; но всѣ эти ошибки были исправляемы мировымъ съѣздомъ, а жалобъ на личныя дѣйствія судей поступало очень мало. Послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе, указывая на то, что судья въ общемъ былъ угоденъ своему „околотку“. Были между судьями—моими сослуживцами и замѣчательные дѣльцы и хорошіе „самообразовавшіеся“ юристы, крѣпко любившіе свое дѣло и усердно работавшіе на нивѣ правосудія; укажу здѣсь на бывшаго моряка и землевладѣльца

В. С. Акимова, В. К. Сильверсвана, В. Ф. Соболева и Л. В. Пискорскаго (послѣдніе юристы). Большинство этихъ хорошихъ судей уже на томъ свѣтѣ; но въ памяти моей они живы—эти милые, умные, хорошіе судьи и люди. Живъ образъ порывистаго, умнаго В. С. Акимова и необычайно скромнаго и аккуратнаго В. К. Сильверсвана. Но были между моими судьями и невѣжественные самодуры, и лѣнливо мыслящіе, и лѣнливо суды творящіе, какъ Я. И. Илькевичъ, П. Ф. Бредихинъ и Н. Е. Рафтопуло. Вотъ и примѣры ихъ чудачествъ и пониманія дѣла. У П. Ф. Бредихина (стараго моряка) разбирается гражданское дѣло по иску какого-то господина къ портному о взысканіи денегъ за работу. На разборъ дѣла явился истецъ. Судья спрашиваетъ: „отвѣтчикъ есть“?—Стоящій въ дверяхъ камеры огромнаго роста служитель изъ боцмановъ флота, говоритъ: „нѣтъ“. Судья, обращаясь къ письмоводителю, спрашиваетъ: „отвѣтчику послана повѣстка?—Послана, отвѣчаетъ письмоводитель. „Какъ же онъ (отвѣтчикъ) посмѣлъ не прійти въ камеру, когда его зовутъ“, говоритъ про себя судья. „Иванъ, обращается къ служителю судья, сходи и сейчасъ притащи отвѣтника (имя рекъ) въ камеру“. Иванъ мигомъ улетучился изъ камеры, а судья занялся другимъ дѣломъ. Въ разгарѣ процесса по другому дѣлу, распахиывается съ шумомъ дверь, и отвѣтчикъ-портной отъ увѣсистаго толчка Ивана вылетаетъ на середину камеры и остановился передъ судейскимъ столомъ. Судья бросаетъ второе дѣло и приступаетъ къ разбору дѣла приведеннаго отвѣтника.

Разборъ дѣла былъ очень краткій. Судья, не обращая на защиту отвѣтчикомъ неправильно предъявленной къ нему претензіи, возглашаетъ: „такъ какъ ты, отвѣтчикъ, не хотѣлъ являться на судъ по повѣсткѣ, значитъ, виноватъ, а потому... слѣдуетъ резолюція: взыскать и т. д. съ судебными издержками“. „Г. письмоводитель: изготовьте сейчасъ исполнительный листъ истцу“; листъ былъ моментально написанъ, подписанъ судьей и имъ самолично врученъ истцу въ камерѣ; а отвѣтчику послано примѣчаніе: „со мной не шути; у меня судъ скорый“. Нечего и говорить, что мировымъ съѣздомъ такое „скоропалительное“ рѣшеніе судьи съ нарушеніемъ элементарныхъ процессуальныхъ правилъ было въ кассационномъ порядкѣ отмѣнено и дѣло для новаго разсмотрѣнія передано другому судью. Сидитъ со мною въ съѣздѣ на разборъ гражданскаго дѣла Я. И.

Илькевичъ. Одна изъ сторонъ ходатайствуетъ о вызовѣ новыхъ ея свидѣтелей. Противъ этого ходатайства возражаетъ Як. Ив. Когда я ему замѣтилъ, что отказъ сторонъ въ ея законной просьбѣ будетъ кассационнымъ поводомъ, то мой сотоварищъ серьезнымъ тономъ возглашаетъ великолѣпную фразу: „Кто? Сенатъ отмѣнить наше рѣшеніе? Пусть попробуетъ“... Конечно, большинствомъ голосовъ мы не рѣшились „попробовать“ Пр. Сенатъ. У мирового судьи г. Николаева Л. Л. Ульянова разбирается уголовное дѣло объ обидѣ дѣйствіемъ. Лѣтняя пора; въ камерѣ масса народа, душно; судья ажитируетъ и беспокоенъ: вѣроятно, и ему душно. Вызываются свидѣтели и послѣ провѣрки ихъ уводятъ въ свидѣтельскую комнату. Послѣ объясненія сторонъ, довольно „запальчивыхъ“, допрашиваются свидѣтели. Выходитъ свидѣтель Блоха. Переспросивъ фамилію свидѣтеля, судья вскакиваетъ со стула и, изображая на своемъ лицѣ ужасъ, кричитъ: „Г. Блоха, станьте подальше отъ стола; я страшно боюсь блохъ, а вы можете вскочить на столъ, оттуда прыгнуть на меня, а я этого боюсь“... Допросъ Блохи конченъ. Вызванъ свидѣтель Морозъ. Судья, достаточно ажитированный свидѣтелемъ „Блохой“, со страдальческимъ лицомъ, обращаясь къ этому свидѣтелю, говоритъ: „Ахъ! вы Морозъ; станьте отъ меня, Морозъ, подальше; я не переношу холода; я его уже чувствую; я начинаю мерзнуть“. Но былъ допрошенъ и Морозъ и остальные свидѣтели. Само собою разумѣется, что подобный допросъ свидѣтелей вызвалъ въ камерѣ судьи гомерическій хохотъ. О данномъ юмористическомъ разборѣ дѣла была помѣщена въ Одесской газетѣ подробная корреспонденція, вызвавшая запросъ и министерства юстиціи, но дѣло кончилось ничѣмъ. Какъ извѣстно, у cadaго участковаго мирового судьи въ числѣ другихъ камерныхъ книгъ полагалось имѣть и денежныя книги, для записи залоговъ по уголовнымъ дѣламъ, денежныхъ взносовъ, срочныхъ платежей по гражданскимъ сдѣлкамъ и т. п. Въ концѣ года просматривая денежныя книги участковыхъ судей, подлежащія отсылкѣ въ контрольную палату, я не досчитываюсь книгъ по 9 участку. Пишу судѣвѣ отъ имени Съѣзда о немедленной присылкѣ книгъ, но ни отвѣта, ни привѣта не получаю. Приѣзжаетъ на съѣздъ судья; спрашиваю его: „привезли съ собою денежныя книги? Отвѣтъ: „да у меня ихъ нѣтъ совсѣмъ; я ими не обзаводился“. Вопросъ: „а куда же Вы записывали денежныя залого, ко-

торые къ Вамъ поступали, какъ видно изъ дѣлъ, и другія деньги?“ Отвѣтъ: „да никогда ихъ не записывалъ, а храню у себя, и кто потребуетъ, такъ ихъ и получаетъ“. Вопросъ: „но Вы не можете помнить всѣхъ поступленій и всѣхъ дѣлъ, по которымъ деньги поступали?“ Отвѣтъ: „да это хорошо помнить мой письмоводитель“. Понятно, что общими силами мы—судьи заставили судью 9 участка обзавестись денежными книгами; вписать въ нихъ все, что „хорошо помнить письмоводитель“, и отослать въ контрольную палату. Приведенные курьезы, конечно, мелочь, но все-таки они указываютъ на одну характерную особенность правосознанія выборныхъ мировыхъ судей—это переоцѣнку своей служебной независимости и отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія: „чего моя лѣвая нога хочетъ“... И можете себѣ представить, что эти чудаки-судьи на земскихъ выборахъ всегда выходили по первой серіи при огромномъ количествѣ избирательныхъ шаровъ. Очевидно, земское собраніе мало считалось съ дѣловыми дефектами дѣятельности этихъ судей, а цѣнило въ нихъ больше „избирательную потенцію“, такъ какъ всѣ эти мировые судьи—были въ то же время и земскими гласными. Къ нуждамъ мировой юстиціи Херсонское земство моей памяти относилось очень доброжелательно, то увеличивало число участковъ по представленію мирового съѣзда, то прибавляло жалованье, а содержаніе канцеляріи мирового съѣзда было прямо роскошно обставлено и со стороны помѣщенія и оплаты труда служащихъ въ ней. При доброжелательномъ отношеніи земскаго собранія въ своемъ большинствѣ къ мировому институту пріятно было вести дѣло и работать, хотя въ послѣдніе годы моей службы дѣла по съѣзду сильно увеличились, вызывая и напряженную работу съ моей стороны. Грустною стороною дѣятельности мѣстной мировой юстиціи представлялась обособленность этой юстиціи отъ общихъ судебныхъ установленій. Казалось, что мировой судъ—это „обывательскій, упрощенный судъ, которому чужды юридическія „концепціи“ и „структуры“ матеріальнаго и процессуальнаго права. Члены мѣстной общей магистратуры такъ и смотрѣли на выборныхъ мировыхъ судей „сверху внизъ“, считая ихъ неспособными къ воспріятію юридической мудрости общихъ судебныхъ установленій. А при такомъ отношеніи общей магистратуры къ мировой юстиціи мировой судъ въ общественномъ мнѣніи не признавался за юстицію государственнаго значенія,

а пребывалъ, какъ я сказалъ выше, въ значеніи „обывательщины“, и наши судьи, считая себя вполне независимыми въ порядкѣ контроля и надзора за ихъ дѣятельностью, не смогли выработать у себя и единообразной процессуальной практики и руководящихъ, преемственныхъ традицій по веденію судебного дѣла. Все же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—выборный мировой институтъ сохранялъ одно существенное преимущество: освѣдомленность о мѣстномъ населеніи, о его нуждахъ и потребностяхъ; онъ черпалъ свой персоналъ изъ людей практической жизни, людей большого житейскаго опыта, матеріально и морально независимыхъ, судомъ которыхъ населеніе болѣе было удовлетворено, чѣмъ далъ ему впоследствии судъ земскихъ начальниковъ. Поэтому нельзя безъ горячаго сочувствія не привѣтствовать вновь возрожденный мировой институтъ, въ первую очередь введенія котораго вошелъ и дорогой мнѣ по прежней службѣ Херсонскій уѣздъ, съ пожеланіемъ устраненія изъ его практики и его положенія тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчены мною выше въ похороненномъ было въ 1892 году мировомъ судѣ.

ГЛАВА IV.

Казнь матроса Луговенно и еврея Виттенберга въ г. Николаевѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о службѣ въ Херсонскомъ мировомъ съѣздѣ не могу не коснуться эпизода, оставившаго глубокой слѣдъ въ моей памяти, сохранившійся во всѣхъ деталяхъ и до настоящаго времени—это эпизодъ, обозначенный въ заголовкѣ этой главы. Еще въ студенческихъ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ я указывалъ на отдѣльную группу студентовъ, занимавшихся конспиративной пропагандой крайнихъ соціальныхъ ученій, что было въ началѣ 70-хъ годовъ; эта работа потомъ все болѣе и болѣе разрослась; число конспирантовъ увеличивалось, при чемъ изъ мирной политической пропаганды—она приняла чисто революціонный характеръ, который вылился къ концу 70-хъ годовъ въ цѣлый рядъ террористическихъ выступленій. Выступленія эти, начиная съ бунтарскаго Чигиринскаго

¹⁾ Кн. 6 и 7 „Русская Старина“ 1912 г.

дѣла, о которомъ я уже говорилъ раньше, выразились въ вооруженномъ сопротивленіи въ г. Одессѣ Ковальскаго, въ дѣятельности кружка въ Кіевѣ съ энергичнымъ Осинскимъ во главѣ, впоследствии казненныхъ, и цѣломъ рядѣ подготовительныхъ покушеній на драгоценную жизнь Императора Александра II, въ которыхъ замѣшаны были Фроленко, Гартманъ и др. Послѣ же Липецкаго партійнаго съѣзда „землевольтцевъ“ и „народовольцевъ“ усилившіяся террористическія выступленія революціонныхъ организацій выдвинули на арену подпольной политической дѣятельности Желябова, Перовскую, Кибальчича и другихъ, дѣйствія которыхъ привели къ катастрофѣ 1 марта 1881 г. Въ числѣ активныхъ революціонныхъ дѣятелей революціонеровъ-террористовъ состояли и указанные выше матросъ бодманъ Луговенко и еврей Виттенбергъ; оба эти лица жители г. Николаева: Луговенко служилъ во 2-мъ экипажѣ черноморскаго флота, а Виттенбергъ былъ сыномъ мелкаго торговца, учился въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и ушелъ въ революціонную кружковщину. Этими революціонерами въ 1879 году подготовлялся взрывъ въ г. Николаевѣ царской пристани въ „Спасскомъ“ на Бугѣ, такъ какъ Императоръ Александръ II долженъ былъ пароходомъ прибыть въ г. Николаевъ для осмотра вновь сооруженныхъ морскихъ судовъ. Къ счастью, покушеніе было заблаговременно открыто; обнаружены были, какъ непосредственные устроители покушенія, Луговенко и Виттенбергъ; ихъ скоро судили въ Одесскомъ военноокружномъ судѣ, который обоимъ имъ вынесъ смертные приговоры. Казнь должна была быть совершена въ г. Николаевѣ. И вотъ невольнымъ свидѣтелемъ этой казни пришлось и мнѣ быть. Казнь совершена была въ концѣ іюня 1879 г., и попалъ я на мѣсто казни совершенно случайно. Возвращаясь изъ Херсона, гдѣ я присутствовалъ въ засѣданіяхъ мирового съѣзда и выѣхавъ въ Николаевъ вечеромъ, а затѣмъ подночевавъ въ Капанихъ (въ 30 верстахъ отъ Херсона и на полдорогѣ отъ Николаева), я къ городу подъѣзжалъ около 8 часовъ утра. Не доѣзжая предмѣстья города, такъ называемой „Поповой балки“, расположенной на высокомъ берегу рѣки Буга, по линіи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, я замѣтилъ, что огромная площадь этой балки усѣяна массой народа, слышенъ гулъ человѣческихъ голосовъ; видно много дрожекъ съ людьми и простыхъ крестьянскихъ возовъ, а когда я подъѣхалъ ближе, то еще больше поразила массой на-

родной толпы, запрудившей и въѣздъ въ городъ. Само собою разумѣется, что такое необычное явленіе меня заинтересовало, а изъ разспросовъ въ публикѣ я узналъ, что предстоитъ казнь Луговенка и Виттенберга, которыхъ къ 9 часамъ должны были доставить пароходомъ изъ Одессы, поэтому вся толпа напряженно всматривается въ водную даль рѣки Буга, и видимо съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія преступниковъ. Нужно замѣтить, что съ „Поповой балки“ открывается прекрасный видъ на дали р. Буга, разлившася здѣсь до необычайной широты, при чемъ водная лента Буга видна на далекомъ разстояніи. Продвинувшись сквозь толпу ближе къ мѣсту казни, я замѣтилъ 2 висѣлицы съ помостами, цѣлый 2-й флотскій экипажъ въ строю, начальствующихъ лицъ мѣстной полиціи и другихъ официальныхъ представителей власти. Около $\frac{1}{2}$ 10 ч. солнце начало сильно припекать, толпа въ ажитации; шумъ и говоръ усиливается, множество рукъ тянутся впередъ, какъ-бы на что-то указывая. Всматриваясь въ водное пространство Буга, я замѣчаю на горизонтѣ черную точку, которая, все увеличиваясь, принимаетъ явныя очертанія парохода. Увидѣвъ явственно приближающійся пароходъ, толпа встрепенулась, зашевелилась, подалась впередъ а часть ея двинулась внизъ, къ берегу рѣки. Проходъ же у берега рѣки и на гору охранялся солдатами и образовалъ собою какъ бы корридоръ, свободный отъ публики. Чѣмъ ближе подходитъ пароходъ, тѣмъ больше волнуется народъ-толпа. Но вотъ шумъ толпы умолкаетъ, а вмѣсто этого слышится густая дробь многочисленныхъ барабановъ: барабанный бой слышится все ближе и ближе и наконецъ показываются двѣ, выкрашенныя въ черный цвѣтъ, повозки (дроги) съ сидящими на нихъ преступниками, окруженными военной стражей. Оба: Луговенко и Виттенбергъ одѣты были въ арестантское платье, сидѣли лицомъ, обращеннымъ на рѣку; руки въ наручникахъ и ноги въ кандалахъ; на груди у обоихъ висятъ доски, гдѣ бѣлымъ по черному написано: „Цареубійца“. Оба преступника блѣдные; взгляды ихъ тусклы, а у Виттенберга и поникшая голова. Вотъ ихъ подвезли къ эшафоту; сняли съ траурныхъ дрогъ и по одиночкѣ взвели на подмосты висѣлицъ и поставили лицомъ къ рѣкѣ. Слышится военная команда: „смирно“, „на караулъ“; публика обнажаетъ головы; читаютъ приговоры. По прочтеніи приговоровъ, на помосты эшафотовъ входятъ равнинъ и священникъ; недолго они что то гово-

рили преступникамъ и сошли съ помостовъ. На смѣну этихъ лицъ появляется дюжій рыжебородый дѣтина въ красной рубахѣ, онъ умѣлыми движеніями поправляетъ веревки на висѣлицахъ; потомъ подходитъ къ Виттенбергу, надѣваетъ на него бѣлый саванъ, завязываетъ рукава этого савана сзади, затѣмъ мигомъ набрасываетъ ему петлю на шею, ставитъ преступника на скамейку; моментъ—скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ преступника, и онъ безпомощно повисъ въ воздухѣ. Виттенбергъ былъ удушенъ моментально и повисъ какъ палка, безъ малѣйшихъ судорогъ и движеній; очевидно, что его слабый организмъ не могъ долго сопротивляться „мертвой петлѣ“. Покончивъ съ Виттенбергомъ, дѣтина въ красной рубахѣ на выпускъ принялся за матроса Луговенко. Послѣдній, самъ человѣкъ высокаго роста, богатырскаго сложенія и, вѣроятно, большой физической силы. Когда палачъ обвязывалъ его рукавами савана, Луговенко оттолкнулъ его отъ себя и началъ что-то говорить къ публикѣ, но рѣчь его была заглушена барабаннымъ боемъ, а къ палачу подошелъ его помощникъ, и они вдвоемъ „обрядили“ преступника и приготовили его къ казни. Тотъ же моментъ, скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ Луговенко, но онъ не повисъ сразу, какъ его товарищъ, а въ предсмертныхъ судорогахъ тѣло его начало выдѣлывать такіе вольты, качаясь то впередъ, то назадъ словно преступника не вѣшаютъ, а онъ забавляется и раскачивается, какъ на качели. Картина получилась поражающая; весь народъ, устилавшій „Поповую балку“ какъ то замеръ и стало такъ тихо, тихо; только напряженно устремленные взоры на болтавшася въ воздухѣ матроса, говорили о томъ колоссальномъ впечатлѣніи, которое произвела на толпу казнь Луговенки. Хотя до казни въ публикѣ, гдѣ большинство ея состояло изъ простонародья и рабочихъ, раздавались крайне рѣзкія порицанія преступленій казненныхъ террористовъ, въ особенности по отношенію къ Виттенбергу, но послѣ поразительной казни Луговенко послѣдній вызвалъ къ себѣ въ этой же публикѣ сожалѣніе и даже сомнѣніе въ справедливости надъ нимъ приговора суда: „не даромъ онъ такъ долго борется со смертью; знатъ онъ не виноватъ“ слышались разговоры въ народѣ. Не ожидая конца церемоніи публичной казни и добравшись до своего возницы, я скорѣе уѣхалъ къ себѣ на квартиру, а пріѣхавъ домой почувствовалъ себя на столько не хорошо, что потерялъ сонъ, аппетитъ и ходилъ какъ

„шалый“; все мнѣ грезилась ужасная картина смертной казни: все передъ моими глазами въ воздушномъ пространствѣ болталась въ бѣломъ саванѣ могучая фигура Луговенки и въ красной рубахѣ рыжебородый палачъ. Впечатлѣніе зрѣлища смертной казни было столь сильно, столь тягостно, что знаменитое Тургеневское описаніе казни Тропмана въ Парижѣ совершенно поблекло и стусеивалось въ моей памяти. Тутъ я вспомнилъ классическое сочиненіе моего профессора г. Кнестяковскаго о смертной казни, гдѣ онъ возстаетъ противъ цѣлесообразности этого рода наказанія, а на одной изъ лекцій съ большой убѣжденностью доказывалъ развращающее вліяніе на народныя массы публичности смертной казни. Послѣдняя идея со временемъ получила свое практическое осуществленіе въ распоряженіяхъ правительственной власти, прекратившей публичность совершенія смертныхъ казней. Какъ все въ жизни человѣка проходитъ „со временемъ“, такъ, мало-помалу улеглись и мои впечатлѣнія о казни Николаевскихъ террористовъ. Но вотъ черезъ мѣсяць, около 3-хъ часовъ дня, когда я покончилъ съ разбирательствомъ дѣлъ и просматривалъ текущія бумаги, отворяется въ камеру дверь, и несмѣлой походкой входитъ пожилой еврей въ костюмѣ лавочника. Обращаясь ко мнѣ, еврей говоритъ: „простите, судья, что я пришелъ къ Вамъ не въ свое время (въ 10 ч. утра, къ приему прошеній), а теперь, когда никого нѣтъ въ камерѣ, такъ какъ мнѣ нельзя показываться людямъ“. „Почему такъ“, спрашиваю я удивленно. Отвѣтъ: „можетъ, и Вы, г. судья, не пожелаете со мною говорить, узнавъ мою фамилію“. Я все больше и больше удивляюсь странной рѣчи просителя и спрашиваю его: „да кто же Вы такой и какъ Ваша фамилія?“ Отвѣтъ: „фамилія моя Виттенбергъ, и я отецъ недавно казненнаго моего сына“. Я тогда повялъ странную рѣчь просителя Виттенбергъ. Ободренный моимъ внимательнымъ отношеніемъ къ его разговору, Виттенбергъ-отецъ рыдающимъ голосомъ сталъ рассказывать мнѣ исторію своего несчастья; онъ говорилъ, что его сынъ былъ очень „способный къ наукѣ“, что онъ не жалѣлъ средствъ на его образованіе, что, окончивъ въ Николаевѣ среднее учебное заведеніе, онъ поѣхалъ въ Одессу въ университетъ, но тамъ попалъ въ нехорошую компанію, которая его и погубила. „Мнѣ жалко сына, но еще больше мое горе то, что вся наша семья, а у меня есть еще дѣти, осрамлена, осуждена и насъ всѣ избѣгаютъ,

какъ скверныхъ людей“. Выслушавъ горькую исповѣдь отца казненнаго преступника, я не сталъ его утѣшать, конечно, въ постигшемъ горѣ, но совѣтовалъ обратить вниманіе на воспитаніе другихъ дѣтей, чтобы и изъ нихъ кто-нибудь не послѣдовалъ примѣру старшаго сына. Удовлетворивъ затѣмъ дѣловую просьбу старика Виттенберга, я отпустилъ его домой. Эта опять случайная встрѣча съ отцомъ казненнаго Виттенберга вновь напомнила мнѣ страшную картину казни его сына, и все это жуткое воспоминаніе сохранилось у меня по сію пору, такъ сильно оно врѣзалось въ память.

ГЛАВА V.

Прощанье съ херсонцами и переходъ на службу въ Виленскій мировой округъ.

Еще въ сессію очереднаго земскаго собранія 1888 г. среди гласныхъ упорно циркулировали слухи, почерпнутые отъ губернатора А. С. Эрдели, лицейскаго товарища Д. А. Толстого, тогда министра внутреннихъ дѣлъ, что разработанный правительствомъ проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, несмотря на сильную оппозицію большинства государственныхъ сановниковъ, участвовавшихъ въ его разработкѣ, долженъ получить практическое осуществленіе. Мировой институтъ, слѣдовательно, шелъ на смарку и прерывалъ мою служебную дѣятельность по мировому институту въ самомъ разгарѣ; нужно было подумать о дальнѣйшей своей служебной карьерѣ и что-нибудь предпринять. Должность городского судьи, которую мнѣ сулилъ окружный Судъ, меня не устраивала; въ уѣздные члены суда или въ его коллегію считали меня еще молодымъ кандидатомъ; оставаться на земской платной должности или городской въ составѣ мѣстныхъ управъ мнѣ также не улыбалось; нужно было искать службу внѣ Херсона. Такъ какъ я, что называется, былъ влюбленъ въ должность „мирового“, то и подалъ въ концѣ 1888 года, если не ошибаюсь, докладную записку въ министерство юстиціи о предоставленіи мнѣ должности мирового судьи въ губернскихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края и на томъ успокоился. Прошелъ годъ; я работалъ по прежнему по мировому съѣзду и, какъ

гласный Херсонской городской думы и уѣзднаго земскаго собранія, по дѣламъ этихъ учрежденій. Пришла весенняя очередная сессія земскаго собранія 1889 г., прошли въ эту сессію выборы мировыхъ судей на новое трехлѣтіе; я былъ избранъ уже на 4 трехлѣтіе и забылъ о своей докладной запискѣ, полагая, что „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“—это разъ, а второе,—все устроится въ свое время. Какъ извѣстно, въ 1889 г. министромъ Манасеинымъ вводилась судебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ, куда набиралась по тогдашнему времени „судебная гвардія“ изъ отборныхъ лицъ судебного вѣдомства. Я никоимъ образомъ не рассчитывалъ попасть въ эту гвардію, но вышло иначе. Въ одинъ прекрасный октябрьскій день ко мнѣ въ сѣздъ является милѣйшій нашъ херсонскій прокуроръ Н. И. Мерзляковъ съ какой-то бумагой въ рукѣ и съ такими словами: „ну, батюшка, поздравляю Васъ съ назначеніемъ въ Прибалтійскій край“ и подаетъ мнѣ полученную телеграмму. Въ телеграммѣ сказано: „сообщите Мировому судѣ Чеважевскому, что онъ назначенъ мировымъ судьей 2 уч. Дерптско-Верроскаго мирового сѣзда; 20 ноября долженъ быть въ Ригѣ на общемъ представленіи министру; деньги переведены. Казембекъ“. Телеграмма эта настолько озадачила меня своей неожиданностью и моей не подготовленностью къ событію, что я не зналъ, что и отвѣтить на нее г. Мерзлякову, не посоветовавшись съ семьей. Дома рѣшительно возстали противъ поѣздки въ нѣмецкій край, тѣмъ болѣе, что у меня двое дѣтей лежали въ кори. Обсудивъ свое положеніе, я на другой день пошелъ въ камеру Н. И. Мерзлякова и заявилъ, что въ Дерптѣ, а тѣмъ болѣе къ 20-му ноября въ Ригу я, по семейнымъ обстоятельствамъ, не поѣду и долженъ отказаться отъ состоявшагося назначенія. Г. Мерзляковъ всячески меня убѣждалъ не посылать отказа отъ назначенія, „такъ какъ онъ поведетъ къ тому, что надъ вами министерство поставитъ крестъ“ и при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ вы останетесь „на бобахъ“. Но отказъ мною былъ посланъ, и я, и семья успокоились пока. Но не тутъ-то было, и въ концѣ ноября того же года я получаю новую телеграмму такого содержанія: „назначены мировымъ судьей въ г. Вильно. Шамрай“. Ужъ отъ этого назначенія я никоимъ образомъ отказаться не могъ. Собралъ свѣдѣнія о Вильнѣ, оказавшіяся очень благопріятными, пробывъ дома рождественскіе праздники и по расчету времени съ поверстнымъ срокомъ со дня полученія министерскаго

приказа, въ концѣ января долженъ былъ быть уже на мѣстѣ, въ Вильнѣ. Тяжело было расставаться съ любимой дѣятельностью въ Херсонѣ, съ милыми коллегами—мировыми, съ которыми я такъ хорошо сдружился и съ которыми, какъ въ родственной семьѣ, пріятно было работать. Кромѣ того, я уже очень привыкъ къ своему народу, къ своимъ „Забалковцамъ“ (часть города); всѣхъ зналъ; хорошо знали и мои требованія, а потому мое правосудіе шло, какъ по маслу и не „за страхъ, а за совѣсть“. Болѣе же всего мнѣ грустно было порывать съ работой на нивѣ городского и земскаго самоуправленія. Состоя нѣсколько трехлѣтій гласнымъ мѣстной городской думы и земскаго собранія и участвуя во многихъ думскихъ и земскихъ комиссіяхъ, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, попечителемъ земской школы въ своемъ участкѣ и постоянно, кромѣ того, принимая участіе въ губернскомъ присутствіи по земскимъ и городскимъ дѣламъ, я хотя и втянутъ былъ въ колоссальную работу, но при молодости и, въ виду интереса къ дѣлу, работой этой нисколько не тяготился и радъ ей былъ. Для примѣра укажу здѣсь на разработанный мною обширный докладъ Херсонской городской думы по „гирловому вопросу“, который тянулся чуть-ли не цѣлое 25-лѣтіе (объ углубленіи устья Днѣпра), по проведенію въ Херсонѣ желѣзной дороги, водопроводному, юридической комиссіи, санитаріи и т. п. Первые два капитальные вопроса впоследствии получили свои практическіе результаты; и вотъ теперь, наѣзжая, по старой памяти, въ Херсонъ изъ Литвы и подъѣзжая къ Херсону по желѣзной дорогѣ, а въ городѣ любуясь величественнымъ Днѣпромъ и десятками заграничныхъ колоссовъ-кораблей, я не безъ гордости говорю себѣ: „а вѣдь здѣсь есть и моя капля меду“... Въ половинѣ января земцы устроили мнѣ въ дворянскомъ собраніи обѣдъ; наговорили мнѣ много пріятныхъ вещей и выразили сожалѣніе объ оставленіи мною земской и „мировой“ дѣятельности. Особое же ко мнѣ вниманіе выказали покойные нынѣ, а тогда членъ уѣздной земской управы И. И. Волохинъ, мировой А. В. Пискорской и нынѣ здравствующій С. Н. Гербель, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій тоже членъ управы. Черезъ недѣлю послѣ этого обѣда, я отправился въ путь-дорогу черезъ г. Николаевъ, гдѣ николаевскіе судьи во главѣ съ А. Н. Саковнинымъ и В. Ф. Соболевымъ также угостили меня обѣдомъ. Трогательно мы распрощались другъ съ другомъ; затѣмъ поѣхали

на вокзалъ, простились въ послѣдній разъ, и я на пути въ Вильно. Въ Вильно я поѣхалъ одинъ, такъ какъ зимой, не зная города, трудно было съ женой и малыми дѣтьми ѣхать за 1.200 верстъ.

ГЛАВА VI.

Пріездъ въ Вильну и вступленіе въ должность.

Вдучи въ Вильну, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о литовской народности, не приходилось мнѣ близко наблюдать и жизнь польской народности, а лишь одни евреи мнѣ болѣе или менѣе были знакомы, такъ какъ достаточное количество ихъ проживаетъ въ юго-западномъ краѣ и въ Новороссіи. Неудивительно, что новая незнакомая среда не только служебная, но и та, съ которой придется имѣть дѣло моему правосудію, не мало меня смущала. Въ такомъ смущенномъ настроеніи явился я въ одинъ изъ поведѣльниковъ въ помѣщеніе мирового сѣзда на Благовѣщенской улицѣ въ старинномъ домѣ Умястовскаго. Лишь я поднялся на второй этажъ, чтобы пройти въ совѣщательную комнату мирового сѣзда, какъ мнѣ ударилъ въ носъ непріятный запахъ махорки и смазанныхъ сапогъ. Оказалось, что поведѣльникъ было судебное засѣданіе сѣзда и помѣщеніе его было биткомъ набито народомъ на площадкѣ передъ входомъ въ залъ, при этомъ слышенъ былъ какой-то гнусавый говоръ вперемежку съ гортанными звуками; это говорили литовцы; горланили евреи, а смѣсь этихъ звуковъ на непривычнаго человѣка производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Проходя же мимо толпы, мнѣ бросился въ глаза сѣрый цвѣтъ верхней одежды крестьянъ, очень похожій на арестантскія свитки. Прихожу въ совѣщательную комнату, гдѣ застаю за столомъ 4-хъ судей и председателя сѣзда. Председатель, Н. Г. Григорьевъ, поднимается ко мнѣ навстрѣчу, здоровается и представляетъ своимъ коллегамъ. Когда, послѣ взаимнаго представленія, мы усѣлись, председатель обращается ко мнѣ съ такой репликой: „вѣроятно, у васъ въ министерствѣ есть большая заручка, что вы попали прямо въ Виленскій мировой округъ, такъ какъ въ этотъ округъ нелегко попасть, минуя уѣздные суды“. Когда я объяснилъ, что не только не имѣю никакой заручки въ министерствѣ, а попалъ сюда, отка-

завшись отъ назначенія въ Дерптскій округъ (Юрьевскій уездъ), то удивленію новыхъ сослуживцевъ не было конца. Разговорившись далѣе, я узналъ, что участокъ мой не въ Вильнѣ, а въ м-кѣ Оранахъ, и такъ какъ участкомъ завѣдываетъ мировой судья, переведенный изъ этого участка въ городской, то меня торопили скорѣе ѣхать и устраиваться въ Оранахъ, такъ какъ тамъ на 27 января назначено большое дѣло о конокрадствѣ. Вѣсть, что вмѣсто города Вильны мнѣ придется жить въ какомъ-то захудаломъ мѣстечкѣ, ужасно меня смутила и потому, что у меня былъ мальчикъ гимназистъ, котораго нужно было перевести въ мѣстную гимназію, и такъ какъ въ Оранахъ трудно найти и подходящую квартиру для семьи и нѣтъ какой-либо культуры, къ которой я привыкъ по прежней службѣ. Но ничего не подѣлаешь: нужно было мириться съ необходимостью. На другой день изъ Вильны я уѣхалъ по Варшавской дорогѣ на станцію Ораны, а оттуда (въ 5 верстахъ) въ самое мѣстечко Ораны. Проѣзжая мѣстечко до мѣста находенія камеры, я былъ пораженъ, съ одной стороны, мизернымъ видомъ деревянныхъ построекъ мѣстечковыхъ, общимъ видомъ населенія, ютившагося на двухъ улицахъ, правда длинныхъ и скученныхъ, а съ другой, массою кабаковъ и пивныхъ лавокъ, такъ какъ черезъ домъ непременно находилась или пивная лавка, или кабачекъ съ продажей водки. Но особенно много этихъ пріятныхъ торговыхъ заведеній расположено было на той улицѣ, гдѣ помещалась камера судьи, послѣднее обстоятельство предсказывало мнѣ не особенно пріятныя перспективы. И вотъ 27 января 1890 года открылъ я въ первый разъ свою судейскую душу и приложилъ весь свой опытъ, чтобы тщательнымъ разборомъ громкаго дѣла сразу установить и свое реноме, и вселить довѣріе къ своему суду въ мѣстномъ населеніи. Камера моя помещалась во флигелькѣ въ концѣ двора, такъ какъ прежнее помещеніе камеры, выходившее на улицу, занято было канцеляріей военной комиссіи по постройкѣ стратегическаго шоссе генерала Тунцельмана съ инженеромъ Венцелемъ и другими во главѣ; мнѣ все-таки комиссія уступила одну комнатку для квартиры, чтобы быть поближе къ камерѣ. Окунувшись въ дѣла и приведя ихъ въ извѣстность, я нашелъ, что участокъ сильно запущенъ и мнѣ придется не мало поработать, чтобы привести его въ порядокъ. Къ первому разбору моего дѣла явилась масса народу, такъ какъ помимо

интереса къ громкому конокрадству, въ тотъ день былъ въ мѣстечкѣ базаръ (кермашъ), и многіе нагрянули изъ базарной публики, само собою разумѣется, что набились въ камеру и мѣстные евреи—эти самые „строгіе изслѣдователи“ лицъ, служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. По дѣлу о конокрадствѣ обвинялось двое лицъ въ кражѣ лошадей у помѣщика Пудятыцкаго; вызвана была масса свидѣтелей со стороны обвиненія и обвиняемыхъ. Провѣряю свидѣтелей, удаляю ихъ въ особую комнату и приступаю къ разбору. Потерпѣвшій, объясняя, при какихъ обстоятельствахъ у него уведена была пара лошадей изъ конюшни, выразилъ рѣшительное подозрѣніе на обвиняемыхъ; прямыхъ уликъ не было, и обвиняемые не сознались и упорно отрицаютъ свою виновность; нужно было поэтому искуснымъ допросомъ свидѣтелей сторонъ добиваться правды. Главное свое оправданіе обвиняемые построили на alibi, въ подтвержденіе котораго и сослались на свидѣтелей.

Допросъ свидѣтелей обвиненія проходитъ гладко и даетъ достаточный матеріаль въ связи съ характеристикой обвиняемыхъ, что лошади не миновали ихъ рукъ. Не то было со свидѣтелями обвиняемыхъ: часть ихъ оказалась настолько пьяными, что нельзя ихъ было и допрашивать, а часть пришлось допрашивать черезъ переводчика, такъ какъ на предложенные вопросы слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: „ne surpante“. Когда же одинъ изъ такихъ свидѣтелей уличенъ былъ мною въ противорѣчіяхъ, то заговорилъ и по-русски. Въ концѣ концовъ, такъ какъ сбивчивыя показанія свидѣтелей обвиняемыхъ не внушали къ себѣ довѣрія, то у меня сложилось полное убѣжденіе въ виновности обвиняемыхъ, которые и получили по 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Эффектъ приговора былъ поразительный, и имъ камерная публика осталась довольна, да я не ошибся въ приговорѣ, такъ какъ когда объяснилъ обвиняемымъ порядокъ обжалованія приговора, то они, отказавшись отъ его обжалованія, просили, чтобы ихъ скорѣе отправить въ тюрьму. Пользуясь наличностью массы мѣстнаго населенія моего участка, я, обращаясь къ подсудимымъ, высказалъ двѣ сентенціи: что подпоенные свидѣтели не только не помогаютъ защитѣ, но больше вредятъ ей и что кража лошадей и скота большое несчастье для сельскихъ хозяевъ. Хорошо, говорилъ я, что у помѣщика есть не одна пара лошадей, а если послѣднюю клячу (по мѣст-

ному) или единственную коровку уведутъ у крестьянина, то чѣмъ ему пахать землю, чѣмъ кормить дѣтей; „я буду очень строгъ къ такимъ кражамъ“, добавилъ я. Мои сентенціи произвели очень хорошее впечатлѣніе на крестьянъ, что видно было по одобрительнымъ кивкамъ ихъ головъ. И такъ первый мой выходъ на арену правосудія на Литвѣ прошелъ удачно. Мало-по-малу, знакомясь съ мѣстнымъ населеніемъ, большею частью съ коренными литовцами, не знающими никакого другого языка, кромѣ своего родного, населеніемъ бѣднымъ (земля въ большинствѣ песчаная), полудикимъ, подозрительнымъ, я проникся большимъ сочувствіемъ къ этой народности, этимъ первымъ насельникамъ края, лишеннымъ всякаго культурнаго воздѣйствія и жестоко эксплуатируемымъ мѣстнымъ еврействомъ—его единственными „культуртрегерами“. Правда, что попадались и между литовцами лица, знающія русскій языкъ, но это тѣ изъ нихъ, которые отбывали воинскую повинность и обрабатывались на военной службѣ, такъ что послѣднюю нужно признать важнымъ культурнымъ факторомъ въ жизни Литовскаго края. Знакомясь ближе и ближе съ литвинами своего участка, я пришелъ къ заключенію, что большинство возбужденныхъ ими дѣлъ сутяжнаго характера возбуждены еврейскою деревенскою и мѣстечковою адвокатурою, избрѣтавшею разныя несуразныя тяжбы, исключительно „въ интересахъ рубля“. И когда у меня этого рода дѣла потерпѣли сильное крушеніе, то сократилась и „сутяга“. Одною я не могъ смягчить путемъ судопроизводственнаго воздѣйствія—это жестокости въ случаяхъ взаимной мести крестьянъ другъ къ другу, которая выражалась то въ отравленіи гусей, утокъ и другой домашней птицы, а то и въ томъ, что они всаживаютъ обостренные колья въ задній проходъ лошадей, обрѣзываютъ вымя у коровъ и т. п. (такія были дѣла). На югѣ подобныя чудовищныя проступки мнѣ были совершенно не извѣстны, а здѣсь вещь обыкновенная; очевидно, что это уже природная черта народнаго характера.

Въ злополучныхъ Оранахъ (Ораны—мои раны, шутилъ я) я просидѣлъ до сентября будущаго года, когда получилъ городской участокъ. Семью, переѣхавшую въ Вильну, пришлось устроить въ городѣ, а самому на дня три еженедѣльно ѣздить и жить въ Оранахъ, а три дня проводить въ Вильнѣ и сидѣть въ засѣданіяхъ мирового съѣзда. Мучительная исторія, крайне истрепавшая мои нервы. Въ городской уча-

стокъ я поналъ случайно: одинъ уѣздный судья, которому по очереди доставался 2 участокъ г. Вильны, Н. А. Комаровъ, ознакомившись съ массой нерѣшенныхъ дѣлъ и общимъ хаосомъ дѣлопроизводства въ этомъ участкѣ, отказался отъ него и участокъ достался мнѣ. Усиленнымъ трудомъ и при помощи нѣсколькихъ временно нанятыхъ писцовъ—участокъ, вѣрнѣе, бумаги были приведены мною въ порядокъ; нужно было лишь заняться разборомъ нерѣшенныхъ дѣлъ, накопившихся до 1000. Отправлять „мировое правосудіе“ въ городѣ для меня, конечно, было легче, такъ какъ и жалобы поступали грамотнѣе и толковнѣе, чѣмъ деревенскія, а по моимъ дѣламъ выступали порядочные адвокаты, съ которыми легче было разяснять спорные вопросы. Но былъ въ моемъ участкѣ и существенный дефектъ: въ немъ сосредоточены были дѣла всѣхъ мелкихъ и нѣкоторыхъ крупныхъ виленскихъ ростовщиковъ (распредѣленія денегъ чиновниковъ: Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ, интендантскихъ, почтовыхъ и др.), осаждавшихъ камеру то вексельными взысканіями, то требованіями выдачи поступившихъ долговъ, суммъ и т. д.

Не могу забыть и до сихъ поръ, какъ меня въ первый разъ поразила масса странныхъ еврейскихъ фигуръ, наполнившихъ мою камеру, хотя и не было разбора дѣлъ; по ознакомленіи съ этими лицами, оказались $\frac{2}{3}$ ростовщиковъ и $\frac{1}{3}$ подпольныхъ ходатаевъ. Ростовщикамъ я объявилъ, что справки по дѣламъ буду выдавать лично, а ходатаямъ совѣтовалъ оставить мою камеру, такъ какъ, помимо меня, они ничего по дѣламъ камеры не узнаютъ, а выступать не имѣютъ права.

Въ конечномъ результатѣ черезъ годъ усиленныхъ занятій мнѣ удалось настолько упорядочить участокъ, что я больше 4-хъ часовъ въ камерѣ не сидѣлъ; созданъ былъ досугъ, позволившій мнѣ употребить его и на чтеніе книгъ, и на постоянное (съ 1893 г.) сотрудничество (*gratis*) въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ редакціи П. Г. Бывалькевича. Посѣщая засѣданія мирового съѣзда, я ближе познакомился со своими коллегами, а ближе присмотрѣвшись къ мировой юстиціи отъ короны, сдѣлалъ соотвѣтственныя параллели между короннымъ и выборнымъ судомъ. Между тѣмъ и другимъ учрежденіями была огромная разница: выборные судьи работали въ буквальномъ смыслѣ слова „за совѣсть“, а коронные не всѣ, конечно, и „за страхъ“, чтобы не подвергнуться неодобреніямъ и старшаго предсѣдателя судеб-

ной палаты, и ея прокурора, и прокурорскаго надзора вообще, другими словами, выборный судья чувствуетъ полную независимость и самостоятельность въ своемъ дѣлѣ, а коронный нерѣдко во взглядѣ на извѣстную категорію уголовныхъ правонарушеній долженъ былъ соображаться со взглядами и желаніями мѣстной администраціи и покровительствуемыхъ ею отдѣльныхъ лицъ (графа Мавроса и др.). Другой чертой направленія Виленскаго мирового сѣзда моего времени явилось мнѣніе, что тамъ, гдѣ сталкиваются интересы помѣщиковъ и крестьянъ, необходимо поддерживать послѣднихъ, ибо такъ думаетъ мѣстная высшая администрація края. Такое „рабское“ положеніе Виленскаго мирового института въ особенности процвѣтало при предсѣдателѣ сѣзда Григорьевѣ. Человѣкъ военнаго образованія и воспитанія,—этотъ предсѣдатель былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ хотя практически онъ и усвоилъ судебную процедуру, но по серьезнымъ юридическимъ вопросамъ обнаруживалъ слабую юридическую логику; судебныя же засѣданія велъ грубо съ окриками „команднымъ голосомъ“. Своихъ сослуживцевъ не объединялъ, а, напротивъ, сѣялъ интригу и раздоръ, и если сѣздъ къмъ держался, то непремѣннымъ членомъ А. А. Поляковымъ—этимъ превосходнымъ русскимъ человекомъ—„тверякомъ“.

Дѣла въ сѣздѣ обсуждались очень серьезно, и въ этомъ отношеніи коронному мировому суду нужно отдать предпочтеніе передъ выборнымъ, гдѣ очень часто трудно было убѣдить судей юридическими доводами въ противобѣсъ „обывательскимъ“ сужденіямъ. Но ало короннаго мирового суда на Литвѣ, какъ и вообще во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, заключалось въ страшномъ процвѣтаніи лжесвидѣтельства, въ легкой подкупности свидѣтелей, а потому не только въ серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ дѣлахъ, но въ пустыхъ трудно было добиться правды. Для иллюстраціи приведу такой примѣръ: въ моей камерѣ разбиралось дѣло по обвиненію графа Кор.-М—го съ г. Пусловскимъ въ оскорбленіи первымъ послѣдняго дѣиствіемъ въ зданіи окружнаго суда. Оба эти „драчуна“—мѣстные богатые и культурные помѣщики; ссоры и тяжбы у нихъ завязались по дѣловымъ отношеніямъ по имѣнію Пусловскаго и разразились скандальнымъ столкновеніемъ въ зданіи суда, гдѣ въ корридорѣ Кор-Мил—скій, встрѣ-

тившись съ Пусловскимъ, толкнулъ его съ такой силой, что тотъ, падая, выбилъ окно, оцарапался и получилъ нѣсколько ушибовъ. Вѣсть о столкновеніи этихъ аристократовъ быстро разнеслась въ судѣ; собралось много публики; произошло фюрменное нарушеніе тишины и порядка (ст. 38 уст. о нак.). Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ поступила жалоба Пусловскаго на гр. Кор - Мил—скаго и протоколь полиціи. Разобравъ дѣло, я далъ гр. Кор - Мил. 2 мѣсяца ареста. Дѣло по жалобѣ обвиняемаго перешло въ мировой съѣздъ, и вотъ тутъ-то разыгралась „свидѣтельская арія“, такъ какъ оказалось, что большинство ихъ были полупьяны и, вѣроятно, субсидированы. Кончилось дѣло на томъ, что наказаніе гр. Кор - Мил—скому было уменьшено до 7 дней ареста по обвиненію лишь въ нарушеніи общественной тишины. Приговоръ этотъ вступилъ въ законную силу, но когда его обратили къ исполненію, то 2 года не могли уловить обвиняемаго: то онъ уѣзжаетъ за границу, то путешествуетъ по Волгѣ, то выбываетъ въ Варшаву и т. п. Наконецъ, полиція настигаетъ графа Кор - Мил—скаго въ Вильнѣ и препровождаетъ его, въ такъ называемый, 14 № крѣпостного зданія при Инженерномъ Управленіи. Водворень былъ гр. Кор-Мил—скій въ кутузку лѣтнею порою. Мужчина онъ полный и комнатная духота на него непріятно дѣйствовала, поэтому вечерній чай въ скучномъ одиночествѣ титулованный узникъ пилъ въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Узнавъ о чаепитіи гр. Кор-Мил—скаго, прстивникъ арестованнаго графа г. Пусловскій регулярно каждый день выѣзжаетъ въ своемъ кабриолетѣ при лакеѣ въ ливреѣ съ гербами на прогулку по той улицѣ, гдѣ „кейфовалъ“ его врагъ и проѣзжая мимо съ притворной учтивостью адресуетъ узнику фразу: „жиче пану грабѣ добраго аппетита“... (желаю пану графу хорошаго аппетита). И такъ продолжалось систематически нѣсколько дней. Графъ Кор-Мил—скій, конечно, не могъ долго переносить злобныхъ учтивостей г. Пусловскаго, и остальные дни ареста уже не показывался въ палисадникѣ. Много и другихъ курьезовъ бытового свойства прошло у меня передъ глазами во время судейства, но всего не припомнишь. Послѣдніе годы моей службы по коронной мировой юстиціи протекали настолько благополучно, что наличность досуга не только, повторяю, позволила мнѣ заниматься журнальной работой, но я могъ также принять горячее участіе въ работахъ по

первой народной переписи 1897 г. Въ этомъ же году, будучи избранъ единогласно коллегіей окружнаго суда на вакантную должность члена его, я разстался съ мировымъ институтомъ, но сохранилъ и до сихъ поръ званіе почетнаго мирового судьи, чтобы не прерывать связи съ дорогимъ для меня учрежденіемъ.

В. С. Чеважевскій.

